

Глава I
МИЛОРД ЯНЕС

Религиозная церемония в Гувахати, крупнейшем городе индийского Ассама, завершилась. Поклониться Вишну пришли тысячи и тысячи паломников из деревень, разбросанных по берегам священной реки Брахмапутры. Теперь драгоценный камень Салаграман вернулся в великую пагоду Кария и, по всей вероятности, был уже помещен в сокровищницу, доступ в которую имели только раджа, его ближайшие советники и верховный жрец.

Камень этот был всего лишь черной окаменелой раковинной из рода аммоновых рогов, однако внутри ее хранился волос великого Вишну — бога-защитника Индии.

Улицы быстро пустели. Горожане, солдаты, баядеры и музыканты расходились по своим домам, казармам, храмам и постоялым дворам, чтобы отдохнуть после многочасового шествия за огромной повозкой с бесценной реликвией. Счастливому ее обладателю, радже Ассама, завидовали все прочие индийские раджи.

Двое мужчин, судя по одежде — чужестранцы, неторопливо спускались по главной улице людного города. Время от времени они останавливались перебраться словечком-другим, особенно если поблизости не было ни солдат, ни горожан.

Первый определенно выглядел европейцем. Лет пятидесяти, седобородый, загорелый, в белом фланелевом костюме и широкополой фетровой шляпе, украшенной шелковой лентой с золотыми желудями и напоминающей мексиканское сомбреро.

Что до второго, то смуглая от природы кожа, жгучие черные глаза, смоляная борода и кудрявые, спадающие на плечи волосы, напротив, выдавали в нем уроженца Востока.

Он был одет не в европейское платье, а в зеленый шелковый полукафтан, расшитый золотой тесьмой и с золотыми же пуго-

вицами, шаровары ему в тон, желтые сапоги с загнутыми носами — вроде тех, что носят узбеки. С белого парчового пояса свисал великолепный ятаган с рукоятью, инкрустированной алмазами и рубинами, стойкий, верно, целое состояние.

И тот и другой имели весьма примечательную внешность: высокие, сильные, способные вдвоем противостоять двадцати местным.

— Итак, Янес, что ты решил? — спросил мужчина в полукафтоне, останавливаясь, наверное, в десятый раз. — Мои люди заскучали. Сам знаешь, терпение никогда не входило в число добродетелей старых тигров Момпрачема. Мы уже восемь дней любуемся здешними храмами и гуляем по берегу этой их грязной Брахмапутры. Царства так не завоевываются.

— Вечно ты торопишься, — ответил европеец. — Вижу, годы не охладили горячую кровь Тигра Малайзии.

— Ни в коей мере, — засмеялся знаменитый пират. — А ты, значит, не растратил своей недюжинной выдержки?

— Дружище Сандокан, я бы и сам хотел немедля выбить изпод раджи трон, сорвать с него корону и возложить ее на голову моей прекрасной Сурамы, однако все куда сложнее. Мы ничего не сможем сделать, пока мне не представится случай подобраться поближе к этому высокомерному деспоту.

— Так ищи же этот случай! Неужели твое воображение истощилось?

— Отнюдь нет. Есть у меня одна идея.

— А именно?

— Чтобы заслужить доверие раджи, ненавидящего чужеземцев, надо совершить нечто воистину незаурядное.

— Мы готовы. Нас тридцать пять молодых, включая Самбильонга, а завтра к нам присоединятся Трималь-Наик и Каммамури. Они мне телеграфировали, что покидают Калькутту. Давай выкладывай свою идею.

Вместо ответа Янес посмотрел на дом, в окнах которого светились проволочные корзинки с хлопковой ватой, пропитанной кокосовым маслом. Вата тлела, негромко потрескивая.

Судя по всему, на первом этаже помещалась таверна. Оттуда доносился многоголосый гвалт, в окнах мелькали снующие туда-сюда люди.

— Вот мы и пришли, — объявил Янес.

— Куда?

— Нынешней ночью премьер-министру раджи, его превосходительству Каксе Фарауму, нелегко будет уснуть.

— Почему?

— Из-за шума внизу. Угораздило же сановника поселиться рядом с таверной. Это может дорого ему обойтись.

Сандокан непонимающе посмотрел на собеседника:

— Выходит, твоя идея связана с этой таверной?

— Поживем — увидим. Если на мою удочку клюнул Джеймс Брук, которого никто не назовет глупцом, то клюнет и его превосходительство Какса Фараум. Кстати, ты не голоден, дружище?

— От ужина не отказался бы.

— Тогда — приглашаю. Однако есть тебе придется в одиночестве.

— Говоришь загадками, Янес.

— Воплощаю в жизнь свою гениальную идею, только и всего. Ты будешь ужинать за другим столом и ни во что не вмешиваться. Когда закончишь, отправляйся за нашими тигрятами. Хочу, чтобы вы прогулялись под окнами первого министра, разыгрывая благонамеренных горожан, наслаждающихся ночной прохладой.

— А если тебе будет угрожать опасность?

— За поясом у меня пара отличных двухзарядных пистолетов, в кармане — верный крис. Ешь, наблюдай и слушай, прикидываясь слепым и глухим.

С этими словами он оставил донельзя изумленного Сандокана и направился внутрь с такой комичной торжественностью, что в ином случае тот посмеялся бы над своим товарищем, хотя вовсе не отличался веселым нравом.

Таверна оказалась далеко не так полна, как предполагал Янес.

Три ее комнаты были обставлены без малейшего намека на роскошь. Между столами и лавками носились слуги с кувшинами пальмового вина или арака¹ и мисками риса с рыбой, жаренной в кокосовом масле и сдобренной специями.

За столами сидело не более двух дюжин индийцев из высоких каст. В основном, судя по одежам — горцы-каточи и раджпуты, спустившиеся со склонов Дале и Ланды, чтобы попросить о милости драгоценную раковину с волосом Вишну.

¹ Арак — крепкий алкогольный напиток золотисто-желтого цвета, ароматизированный анисом.

Внезапное появление европейца, похоже, пришлось не по вкусу индийцам. Все разговоры тут же смолкли, оживление, порожденное обильными возлияниями вина, мигом сошло на нет.

Португалец, от которого это не ускользнуло, миновал первые две комнаты, прошел в последнюю и подсел к четверым бородатым каточам, также имевшим за широкими кушаками внушительный арсенал пистолетов, острейших кинжалов и кривых тальваров¹.

Смерив соседей взглядом и не дав себе труда даже поздороваться, Янес взревел:

— Еды! Милорд проголодаться!

Четверо бородачей, недовольных таким соседством, подхватили миски с недоеденным карри и пересели за другой стол.

— Отлично, — проворчал португалец, — сейчас вы у меня попляшете.

Мимо как раз пробежал слуга с полным блюдом рыбы на шестерых. Янес ухватил парнишку за ухо и гаркнул:

— Милорд проголодаться! Давай сюда рыбу, подлец! Я уже второй раз тебя звать.

— Сахиб! Это для других, — не без раздражения воскликнул растерявшийся индеец.

— Зови меня милордом, мошенник! — нарочито грубо заорал Янес. — Я есть знатный англичанин. Давать сюда тарелку! Мм, пахнет совсем недурно.

— Не могу, милорд. Эту рыбу заказали другие.

— Я тебе за нее платить и есть.

— Подождите минуточку, сейчас вас обслужу.

— Я следить по часам. Если через минуту не явишься, отрезать тебе уши...

Янес достал из кармашка великолепный золотой хронометр, положил перед собой и свирепо уставился на стрелки.

В этот момент вошел Сандокан и расположился за свободным столом у окна. На одетого по-восточному смуглокожего приятеля Янеса никто не обратил особого внимания. Он вполне мог сойти за богатого индийца из Лахора или Агры, прибывшего на знаменитый религиозный праздник.

Не успел прославленный малайский пират усесться, как к нему подскочили несколько подавальщиков и принялись

¹ *Тальвар* — индийская сабля.

услужливо выпрашивать, чего бы сахибу хотелось отведать на ужин.

— Безобразие! — возопил Янес, швыряя на пол дымящийся окурок. — Клянусь, он пришел позже меня, а гляньте-ка — вокруг него уже засуетились. Европейцу, если он, конечно, не ловкий пройдоха, не на что рассчитывать в этой стране. Ну, хорошо! — пробурчал он себе под нос. — Я покажу вам, на что способен милорд... милорд Морленд. Да, имя сына Суйод-хана подойдет как нельзя лучше. Просто услада для ушей, а не имя. О! Да тут и выпивка имеется!

На столе стояли кувшин и пиала, забытые пересевшими бородачами. Янес, нимало не заботясь об их чувствах, поднес кувшин к губам и отхлебнул.

— Настоящий арак! — воскликнул он. — И преотличнейший, право слово!

Он уже собирался сделать второй глоток, когда поднялся один из четверых каточей и произнес по-английски с сильным акцентом:

— Прости, сахиб, но этот кувшин мой. Твои нечистые губы испортили напиток, вот ты теперь и плати за него.

— Прежде всего, называть меня милорд, — спокойно ответил Янес.

— Как тебе будет угодно. Главное, заплати за выпивку, которую я заказывал себе, — резко произнес индеец.

— Милорд ни за кого не платит. Я найду кувшин на моем столе и выпить, поскольку иметь жажда. Оставь меня в покое.

— Здесь тебе не Калькутта и даже не Бенгалия.

— Милорду безразлично. Я есть знатный и богатый англичанин.

— Тем лучше. Значит, тебе найдется чем платить.

— Пошел к дьяволу!

Заприметив подавальщика с полной миской варенных в пряностях фруктов, Янес схватил того за шиворот и закричал:

— Давать все сюда! Ставь перед милорд, или милорд из тебя душу вытрясти.

— Сахиб!..

Янес нетерпеливо вырвал миску из рук слуги и дал ему такого пинка, что парень повалился на соседний стол. Сам же как ни в чем не бывало принялся жевать, негромко бубня:

— Милорд проголодается. Туземные каналы! Прислать бы сюда сипаев с пушками и всех вас перестрелять.

При виде устроенного чужестранцем безобразия индийцы недовольно зароптали. Четверо бородачей вскочили и гневно вытаращились на Янеса, схватившись за рукояти пистолетов.

Один лишь Сандокан мысленно потешался, наблюдая, как его невозмутимый приятель добросовестно уплетает фрукты, время от времени поливая их араком, за который не собирается платить.

Покончив с фруктами, португалец изловил третьего подавальщика и отобрал у него миску карри с восхитительной рыбой.

— Милорд забирать! Вы не работать, и я брать сам, дьявол вас поберит! — надрывался Янес.

Теперь возмущенно завопила вся таверна. Индийцы разом повскакали с мест, не в силах больше терпеть издевательств.

— Убирайся, англичанин! Вон! — послышались сердитые выкрики.

Какой-то раджпут самого разбойничьего вида, распалась сильнее прочих, приблизился к столу португальца и, указывая на дверь, зарычал:

— Прочь! Уходи!

Янес, только-только приступивший к рыбе, поднял бесстрастный взгляд:

— Кто?

— Ты!

— Ты забыть добавить «милорд».

— Милорд или сахиб, уходи!

— Милорд не закончить ужин. Я сильно проголодаться, милейший.

— Отправляйся ужинать в Калькутту.

— Милорд не желать никуда отправляться. Здесь вкусно кормить. Я много есть, потом платить.

— Вышвырни его отсюда! — в один голос взвыли разъяренные каточи.

Раджпут протянул было руку к Янесу, но тот метнул ему в лицо недоеденную рыбу, залив глаза острым соусом.

Не вынеся столь вызывающего высокомерия, бородачи, чей арак пил Янес, кинулись к нему, визжа, словно горные демоны.

Сандокан поднялся и потянулся к оружию за поясом, однако, перехватив быстрый взгляд Янеса, остановился. Португалец без сомнения не нуждался в помощи своего грозного товарища.

Он запустил в бородачей миску с карри, затем схватил бамбуковую скамейку и принялся угрожающе крутить ею над головой. Молниеносность его движений, внушительный рост, а более всего — таинственное очарование, которым в глазах туземцев отличаются белые, заставили посетителей таверны, поспешивших на защиту земляков, отступить.

— Вон! Все вон или милорд англичанин вас перебить! — потребовал португалец.

Видя, что противники так и стоят столбами, он отбросил скамейку и вытащил оба пистолета, богато изукрашенные серебром и перламутром, наставил их на индийцев и повторил:

— Все вон!

Первым наружу выскочил Сандокан. Остальные, забыв про собственное оружие, тоже не заставили себя ждать, охваченные паникой и не желая иметь дело со стражами порядка. И без того местные власти были не на лучшем счету у генерал-губернатора Бенгалии.

Прибежавший на шум хозяин таверны схватился за вертел:

— Кто посмел нарушить сон его превосходительства первого министра Каксы Фараума, почивающего за стеной? Кто разогнал всех моих посетителей?

— Я. То есть — милорд, — равнодушно ответил Янес.

— Милорд ты там или землепашец, я прошу тебя удалиться.

— Я не закончить ужин. Твои ленивые бои меня не обслужить, и я забрать еду сам. Я платить и иметь право поесть.

— Отправляйся ужинать в другое место. Здесь не обслуживают англичан.

— Я не уйти с твой постоялый двор.

— В таком случае я позову охрану его превосходительства — и тебя арестуют.

— Англичанин не бояться каких-то охранников.

— Уберешься ты или нет?! — рявкнул трактирщик.

— Нет.

Ассамец поднял было вертел, но ему тут же пришлось ретироваться. Янес взял со стола пистолеты, прицелился в грудь трактирщику и холодно заявил:

— Еще шаг — я сделать ба-бах и убивать тебя.

Дверь за хозяином захлопнулась. Каточи и раджпуты в двух соседних комнатах загомонили:

— Не дадим ему сбежать! Он безумец! Охрана! Охрана!

Янес дико захохотал.

— Богом клянусь, — воскликнул он, — я нашел великолепный способ напроситься на ужин к сановнику достоправного раджи Ассама. Уверен, там меня хорошо угостят. Не правда ли, Сандокан? А, он ушел. Так или иначе, продолжу пока свой спектакль.

Невозмутимый и хладнокровный, ни дать ни взять — настоящий англичанин, Янес уселся за соседний стол, где заметил миску карри, и принялся за еду.

Не успел он проглотить третью ложку, как дверь распахнулась и в комнату ввалилось шестеро солдат в огромных тюрбанах, просторных малиновых кафтанах, широчайших штанах и красных бабушах¹. На португальца оставались стволы карабинов. Солдаты были высокими, словно гренадеры, и бородатыми, точно горные разбойники.

— Сдавайся, — приказал один, с ястребиным пером на тюрбане.

— А вы кто? — поинтересовался Янес, продолжая есть.

— Гвардейцы его превосходительства первого министра.

— И куда же вы собираться отвести милорда?

— К его превосходительству.

— Я не боюсь его превосходительства. — Янес неторопливо встал, сунул пистолеты за пояс, бросил на стол несколько рупий в уплату за ужин и двинулся к солдатам. — Знатный англичанин удостоить визитом первого министра.

— Сдай оружие, милорд.

— Я никому не сдавать свои пистолеты. Мне их подарить сама королева Виктория, моя добрая приятельница. Я есть благородный английский лорд и обещаю не причинять вреда министру.

Солдаты переглянулись, не зная, как поступить: отнять ли у этого странного типа оружие или не отнимать? Затем, видимо все взвесив, — ведь речь шла об англичанине, — повели вооруженного Янеса к министру.

В проходной комнате толпились посетители, готовые тотчас прийти на помощь солдатам. При появлении «милорда», они разразились проклятиями:

— Повесить его!

¹ *Бабуши* — мягкие кожаные туфли без задников.